

Есенгали Раушанов:

«Листок одинокий, похожий на сердце мое»

Сегодня в нашей традиционной рубрике – Есенгали Раушанов, известный казахский поэт, лауреат Государственной премии Республики Казахстан. Его творчество – сплав всего лучшего, что выработано веками опытом жырау и акынов, и современных мотивов и приемов мировой поэзии при неизменном присутствии и преобладании в стихах глубоко личного, неповторимого, чем всегда отличается от толпы версификаторов настоящий поэт.

Стихотворения Есенгали Раушанова переведены на русский язык Вячеславом Киктенко, тоже известным, в прошлом казахстанским поэтом, ныне живущим и работающим в Москве.

* * *

Я помню, как сказку вечернюю, вечную,
Все приметы неспешной аульной
судьбы...

От горы Бестюбе
пополудни,
ближе к вечеру,
Обычно возвращались верблюды
с пастьбы...

Я помню, как в самое буйное
время года
Река вздымала, по верблюжьей
горбила льды,

Крушила плотины
всю тяжестью ледохода,
С опор вырывала мосты.
Я помню, как верблюдицы
с переполненным выменем
Ревели, верблюжат призывая к себе,
А у костра их погонщик,
старик с затейливым именем,
Начинал таинственный разговор,
витиеватую речь о судьбе...

Я помню, как месяц, словно
рыжий верблюд-улек*,
Грузно всходил в небеса, и звезды,
блистая,

От него разбегались, как искорки
из-под век
Распалившегося самца, попавшего
к верблюдицам в стадо...

И тогда, лишь тогда, когда кончит
погонщик рассказ
И сложит вдвое камчу, у огня
пригревшись солово,
То на него посматривая, то на нас,
Наш старший брат начинает

свое
неспешное слово...

* * *

Я проводил еще день...
Еще один умирает
Во-он там, далеко-далеко,
за джайляу,
за кромкой отрога,
Там горит тело Дня – тело Солнца
горит-догорает
Погребальным костром Мажуси,
древнеиндийского бога.

Я проводил еще день...
Он окончен, и хватит об этом.
Ночь идет по аулу – от тополя
к тополю –
двигается поступью властной,
И луны неживое лицо наполняется
жизнью и светом...

Так почему же душа наполняется
грустью неясной?

И откуда она? День как день...
но уже если до пепла сгорело
Это тело – само божество! –
и в золе все тропинки, кусты,
То настанет же день, где я сам,
где мое – понимаешь ты?! – тело
Вместе с ним догорит, тоже
станет золой...
Понимаешь ли ты?

Заливается светлый ручей, хохоча
меж скалистых ущелий,
А гора оттопыренным ухом
ловит темное эхо, как жуть...
Я иду по золе, по руинам
совершенно уже сумасшедший
И, однако же, всем, как ни странно,
совершенно нормальным кажусь.

НЕОЖИДАННОЕ МЕСТО

*«Драку начинать тогда,
когда этого никто
и не ожидает,
тогда это будет интересно».*
Токаш Бердияров (из разговора)

Я плавал в заливах раздумий,
я рыскал по землям азартно,

* Опытный верблюд, предводитель каравана.

Пытаясь понять – где стихи?
 Где исток? –
 В столице, в уезде?..
 «Стихи – это Я!» – вдруг сказал
 мне Токаш, появившись
 внезапно
 В неожиданном месте.
 Когда мой коке*!
 из собрата
 становится вдруг падишахом,
 Я сам – его визирь, я сам
 при нем возвышаюсь без лести.
 Мы вламываемся на пирушки,
 мы ребра крушим общим махом
 В неожиданном месте.
 А если таинственный дух
 вдруг его наполняет смятеньем,
 Как будто пронесится слух
 о какой-то возвышенной вести,
 Все те, кто вокруг в этот миг,
 проникаются странным волненьем
 В неожиданном месте.
 ... Мы плыли с ним вместе по жизни,
 мы два моряка, мне казалось.
 «Ты стал мне ну прямо как брат, –
 он признался, –
 но если по чести,
 То Ной, как пророк и моряк,
 мне все-таки ближе», –
 сказал он
 В неожиданном месте.
 Оставив наш добрый корабль,
 доверив мне руль и ветрило,
 «Эй парень, – сказал он, – давай,
 вспоминай, как мы плавали вместе...»
 И птицей в свое далеко
 взлетел,
 и сверкнул белокрыло
 В неожиданном месте.
 Все там же его чайхана,
 где пил он,
 в себя окунувшись...
 «Эй, парень, смотри, чтоб корабль
 не увязнул в рутине, как в тесте!..» –
 Я слышу насмешливый голос,
 запутавшись или запнувшись
 В неожиданном месте.

* Коке – старший в казахском доме, отец,
 старший брат, дядя.

* * *

Так спокойны леса и равнины и
 ветра порывы так редки,
 Что уснула округа ночная,
 не колышется в поле рожь,
 Лишь осенний листок за окошком
 в лунном свете трепещет на ветке...
 Не дрожи, мой листок одинокий,
 дрожью сердце мое не тревожь.
 Почему же лишь сердце бессонно,
 когда все вокруг замирает,
 Для чего ему эти сомненья, эти тайны –
 миры, бытия?..
 Для чего оно любит и верит?..
 Почему человек умирает?..
 Не качайся, листок одинокий, не
 раскачивай сердце мое.
 В эту ночь не уснуть мне, похоже...
 Я гляжу на округу в надежде
 Утвердиться, что я так же вечен,
 как равнины, как звездная высь...
 Неужели все это когда-то –
 без меня уже! –
 будет все тем же?
 Не дрожи, мой листок мой листок
 одинокий, грустью в сердце мое не
 скребись.
 Все останется тем же, я знаю,
 хоть трижды умри и воскресни,
 Я увижу свое продолженье –
 свой аул, родовое жилье,
 И сестра моя будет со мною,
 и любовь, и веселые песни...
 Но дрожит мой листок, одинокий,
 так похожий на сердце мое.

Что вечно под луной?
 Цветы лишь да вино. –
 Сказал старик Хайям, сказал
 давным-давно.
 Вино – как адский бред, цветы –
 как наважденье
 Живут с тех пор в душе
 Отрадно и темно.

...Я помню ругань, вой, ночь пьяную
 в степи,
 Та ночь была как пес, сорвавшийся
 с цепи,

Не знаю про цветы, но у вина обиды
 Нет на меня, поверь... поверь
 и все стерпи.

Я говорю себе – терпи, коль ты поэт,
 Скандалы, грязь и мрак,
 и чей-то пьяный бред,
 Я говорю себе – стихов писать
 не надо,
 И все пишу, пишу... а вдруг
 не надо?... нет?...

Мне страшно вспомнить
 те кошмарные года,
 Как только выжил я?
 Как не подох тогда?
 Как будто там Рустам прошелся
 с диким войском,
 А с ним рубилась вдрызг
 безумная орда.

Да, бедные года... –
 «Вылазь их гиблых ям, –
 Они сказали мне, – не ползай
 по краям!...»
 Омар Хайям был прав: вино, цветы
 – бессмертны.
 Он знал, что говорил, старик
 Омар Хайям.

Я больше никому не поклонялся так,
 Как пьянице-певцу, –
 он был большой мастак.
 «Великий Омеке! – сказал я, –
 ведь известно,
 Что и твоей судьбе царил разгул
 и мрак».

И молвил мне Омар: « Своих
 лучей и тьмы
 Ты сам в себе творец
 и не бери займы
 Ни от моей судьбы, ни от моих
 привычек,
 Забудь меня скорей...
 Договорились мы?»

Перевод с казахского
 Вячеслава Киктенко